

В целом можно сказать, что Скотт лишь частично принимал современных ему поэтов-романтиков. Китса и Шелли он, по-видимому, вовсе не заметил и критически относился к тому, что представлялось ему ограниченностью и крайностью в позиции как Байрона, так и его врагов-лекистов, особенно Саути.

Самому Скотту ближе было искусство более многообразное, емкое, построенное на широком, терпимом взгляде на мир, на умении художника следовать за прихотливым движением жизни со всеми ее контрастами. Таким он считал искусство Шекспира — «универсального гения . . . взор которого охватывал разные аспекты жизни, фантазия которого с одинаковым талантом играла вокруг короля, восседающего на троне, и деревенского парня, что жарит каштаны в рождественском камине».

В скоттовской трактовке Шекспира проявляется двойственность эстетической мысли писателя. У психологической критики (Хоум, Хетчесон, Морган, Ричардсон) он заимствует взгляд, что главным достоинством Шекспира являются верность жизни, способность к перевоплощению. Вслед за шекспирологами конца XVIII в. Скотт

превозносит драматурга за нарушение «правил», искусство сочетать взаимоисключающиеся, казалось бы, начала в одной душе человеческой; вслед за ними анализирует «смешанные» мотивы, лежащие в основе поступков героев.

Вместе с тем Скотт связан не только с так называемой предромантической, но и собственно-романтической критикой Шекспира. Характерный для нее интерес к соприкосновению народов и цивилизаций, к возможности взаимопонимания, несмотря на разность политических и нравственно-религиозных взглядов сказывается в скоттовской интерпретации Шекспира. В отличие от его почитателей XVIII в. Скотт внимателен к эпохе драматурга, к общественному содержанию его творчества. Изучение его в свете нового исторического опыта побуждает писателя в критических трудах, а еще более в романах, воспроизводить, по образцу шекспировских хроник, целостные панорамы эпохи в подвижном взаимодействии противоположных интересов.